

Это свидетельствует об инерции милитарного дискурса в Третьем рейхе и нацистской военной имиджелогии, о манипулировании через массовые издания «победоносным духом», образом «нового солдата», несмотря на трагически менявшийся для захватчиков ход войны с СССР, перманентные катастрофы поражений. Весной 1944 года завоеватели были изгнаны с территории СССР, ликвидировался оккупационный режим, обрушив идеологические и языковые установки в вермахте.

Библиографический список

1. Для чего русский язык нужен немецкому бойцу и младшему командиру? 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.bspu.by/handle/doc/5202>. – Дата доступа: 19.01.2021.
2. Дубинин, С.И. Речевой репертуар и практики «солдата восточного фронта» (на материале “Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch“) // Mit rade und dade: сборник научных статей к юбилею Е.Р. Сквайрс. М.: МАКС пресс, 2020. С. 74-93.
3. Дубинин С.И. Иноязычная речевая практика и разговорник для «армейца Рейха» (на материале «Wehrmacht-Sprachführer. Deutsch-Russisch») // Известия Смоленского государственного университета. № 3 (35), 2016. С. 176-185.
4. Generalplan “Ost”. 1942. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20110719114610/http://gplanost.x-berg.de/gplanost.html>. – Дата доступа: 19.01.2021.
5. Müller, R.- D. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 1991. 240 S.

Источники / Sources

1. Der Osten. Allgemeinbildender Sonderlehrgang. 2. Teil. Sowjetrussland / 47. Sammelband von "Soldatenbriefe zur Berufsförderung". Oberkommando der Wehrmacht (Hg.). Breslau: F. Hirt. 1942, – 303 S.; Russischer Sprachführer. Sonderdruck aus “Allgemeinbildender Sonderlehrgang ‘Der Osten’ 2. Teil“. Oberkommando der Wehrmacht (Hg.). Breslau/Leipzig: F. Hirt, 1943. – S. 141- 304.

УДК 82.091

МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ КАМНЯ КАК СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЯДРО МНЕМОНИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (ЖАНРОВЫЙ АСПЕКТ)

С.В. Жилияков

г. Старый Оскол, Российская Федерация

В статье рассматривается мифопоэтический образ камня, который лейтмотивом проходит через культуру человека, начиная с глубокой античности вплоть до современности. Выявляется его тесная

семантическая связь с памятью, долговечность которой согласуется с естественными свойствами камня, а также с удобной знаковой репрезентацией для реципиента. Являясь семиотическим знаком генерации, культивирования и транслирования мнемонической идеи, камень своей распространенностью в сфере человеческого культурного бытия способствует появлению мнемонического дискурса – совокупности текстов, осваивающих стратегию памяти и составляющих тем самым целостную традицию. Внутри мнемонического дискурса вычленяются поэтические жанры, по аналогии с его номинацией названные также мнемоническими. Среди них выделяются надпись (посвятительная, альбомная), эпитафии, стихотворный «памятник», реквием, экфраса и другие нежанровые стихотворения, содержащие в фокусе лирической рефлексии семантику памяти, имеющие национальные типологии и сохраняющие благодаря «памяти жанра» «каменную» мифопоэтическую архаику.

Ключевые слова: образ камня, архетип, жанр, мнемонический, дискурс, мнемонические жанры.

MYTHOPOETICAL IMAGE OF A STONE AS A SEMANTIC CORE OF MNEMONIC DISCOURSE (GENRE ASPECT)

S.V. Zhilyakov

Stary Oskol, Russian Federation

The article deals with the mythopoetic image of a stone, which passes through the culture of man as a leitmotif, starting from deep antiquity up to the present. Its close semantic connection with memory is revealed, the durability of which is consistent with the natural properties of the stone, as well as with a convenient symbolic representation for the recipient. Being a semiotic sign of the generation, cultivation and transmission of a mnemonic idea, the stone, with its prevalence in the sphere of human cultural existence, contributes to the emergence of mnemonic discourse – a set of texts that master the strategy of memory and thus constitute an integral tradition. Within the mnemonic discourse, poetic genres are singled out, which, by analogy with its nomination, are also called mnemonic. Among them stand out the inscription (dedicatory, landscape), epitaphs, poetic “monument”, requiem, ekphrasis and other non-genre poems containing the semantics of memory in the focus of lyrical reflection, having national typologies and preserving, thanks to the “memory of the genre”, the “stone” mythopoetic archaic.

Key words: image of a stone, archetype, genre, mnemonic, discourse, mnemonic genres.

Введение. «Архитектурная метафора» [4, 14], как и другие «концепты» – [10], [15], эти эстетико-эпистемологические элементы образной системы художественного творчества, с недавнего времени получили весьма заметное теоретическое освещение в современном литературоведении, став актуаль-

ными направлениями изучения поэтики текста, тон которым, вероятно, задавал еще более 30 лет назад Р.О. Якобсон статьей «Статуя в поэтической мифологии Пушкина» [17]. В ней автор подробно разбирает на основе сравнительно-типологического анализа скульптурную проблематику лирики великого поэта, сквозь призму которой высвечивается рождаемый Пушкиным миф на основе обретаемого сверхреального смысла, обусловленного целостностью его *экфрастического сверттекста*, втягивающего в свое гравитационное семиотическое поле однородные по теме произведения.

Значимость выявления закономерности текстуального присутствия и классификации данных образных феноменов продиктована более глубоким пониманием на микроуровне – поэтики отдельного произведения, на макроуровне – поэтической системы автора (системы и группы произведений, жанров) и на метауровне – основных структурно-семантических и идейно-тематических доминант эстетического освоения действительности. В свою очередь это влечет за собой новое (корректирующее) видение базисных принципов целых художественных направлений и течений, принадлежащих той или иной исторической эпохе, за которыми стоит широкая не только в дефинитном плане, но и по эпистемологическому охвату «идея человека» – «предельно общий принцип миропонимания», заложенный «в основе философского и художественного осмысления сущности человека» [6, с. 89]. Вероятно, в таком, самом идеальном виде, и заключается императив изучения художественных форм в аспекте их структурно-содержательных особенностей и динамики развития, составляющих целостный умопостигаемый литературный процесс.

Цели и задачи. Однако у предпринимаемого исследования, произведенного в условиях ограниченных рамок данной работы, цель и задачи, куда скромнее. А именно – наметить и эскизно показать, хотя бы на уровне «первого приближения», важность и актуальность изучения мифопоэтического образа камня (синонимические варианты – архетип камня, семантический образ камня), обусловившего возникновение (генезис) и впоследствии имеющего тесную взаимосвязь в структурно-типологическом отношении с мнемонической поэзией, определяющей системой мнемонических жанров. В связи с этим были поставлены следующие задачи: 1) показать на культурологическом материале взаимосвязь между архетипом камня и так называемой «каменного» мировоззрения, заложившего основу мнемонического дискурса и мнемонической поэзии; 2) продемонстрировать наличие мифопоэтического образа камня в наиболее репрезентативных литературных вариантах, составляющих мнемоническую поэзию как органичное единство мнемонических жанров.

Методы и материал исследования. В статье были использованы: метод интерпретации культурных феноменов, сравнительно-исторический метод, литературный анализ. Материалом для исследования явились художественные поэтические тексты, а также культурно-исторические артефакты, имею-

щие отношение к сфере памяти и составляющие, таким образом, мнемонический дискурс, из которого вычленяется мнемоническая поэзия – система жанров, обусловленная тематической рефлексией памяти в различных ее модусах проявления.

Образ камня, наряду с образами воды, дерева, земли – самыми распространенными архетипами, – является одним из обширно и обильно культивируемых в истории культуры человечества. Можно сказать, что человек обязан ему своим появлением в качестве вида *Homo sapiens*. Недаром первые протокультурные стадии развития человека – палеолитический, мезолитический и неолитический периоды – содержат понятийные наименования с корнем «*litos*» (с греч. – камень). Камень и его деривации служили самым насущным потребностям наших предков. Так, пещеры являлись жилищем, каменные орудия и оружия предназначались для ведения хозяйственной и охотничьей деятельности, настенные рисунки были своего рода первыми пробами кисти, своеобразными «выставками» картин архаических художников. Каменное окружение человеческого бытия, сопровождавшее его не одну тысячу лет, не могло не отложиться в сознании и памяти человека, чтобы не продолжить и в новых культурных условиях свое существование. Э.Л. Лаевская отмечает, что при изучении древней каменной культуры прошлого «мы имеем дело с древнейшим отношением к камню как фетишу, как главному элементу бытия», которое «живет в европейской литературной традиции вплоть до XX века» [5, с. 169].

Онтологическая значимость камня и его образа, безусловно, повлияла на мировоззрение древнего человека: в религиозно-мифологическом аспекте восприятия камень и его производные – гора, столб, храм – истолковываются как сакральный «Центр Мира» [16, с. 31–34]. В семиотическом пространстве культуры он принимает на себя функцию рождения культурных героев мифов, распространяя ее в дальнейшем и на мифопоэтический контекст современной поэзии [3]. В связи с этим вспоминаются рождение в пещере Гермеса; мифологический сюжет о Девкалионе и Пирре – из брошенных ими камней появляются люди после потопа; выращенные Капитолийской волчицей в пещере Ромул и Рем – близнецы-основатели Рима и т.д. Такова типологическая антропогенная ситуация, с которой начинается мифопоэтическая история жизни образа камня, которая уже на стадии становления «великих культур древности» (К. Ясперс) проявится в соприкосновении с новой мнемонической формой – письмом. Постепенное доминирование письменной памяти над каменной происходит в III тыс. до н.э. в Египте и Месопотамии, и связано оно с возвышением роли писцов как социальной силы по сохранению традиции [9]. Именно в это время «каменная» и письменная традиции передачи информации сходятся в многовековом споре о превосходстве. Кульминацией этого процесса станет известное древнеегипетское поучение «Прославление писцов» с его мотивом нерукотворного памятника – «Книга лучше расписного надгробия» [12, с. 103], а результатом – возникновение

жанра стихотворного «памятника» в Риме I в. до н.э. (знаменитая ода III, 30 Горация), о чем речь пойдет дальше¹. Однако письменное слово в этом соперничестве не перестает удерживать в своей архитектонике образ камня, постоянно памятуя о нем – о локусе своего рождения.

Между тем семантика камня в Древнем Египте всецело поглощена сферой смерти и посмертного существования, поэтому несет ритуально-погребальный смысл, воплощенный главным образом в форме вековечных пирамид. При этом и там тексты пирамид комментируют и дополняют ритуальное осмысление похорон фараона, предназначаются для сопровождения его в царство мертвых (Аментис), повествуют воспоминаниями о земных деяниях/достижениях, по форме представляющих прообраз (авто)биографических надписей на камне, впоследствии в греческой литературной традиции сжатых до стихотворных надписей – эпиграмм, эпитафий (надписи на надгробном камне).

Помимо «неживой» («бесчувственной») семантики, распространенной в «вечных» образах произведений мировой литературы («Дон Жуан, или Каменный гость» Мольера, «Дон Жуан» Дж. Байрона, «Каменный гость» Пушкина и др.), а также символа отложившихся культурных форм (каменный комплекс Стоунхенджа, азиатские дольмены и т.д.), широко репрезентирована собственно мнемоническая функция образа камня, сопряженная, надо сказать, с характеристиками самого камня как естественного материала, обладающего такими физико-химическими свойствами, как прочность, твердость, долговечность. Они во многом и определяют гарантию сохранности, легшую в основание признаков и семантики «каменной» памяти и связанных с ней референтов – тех же надписей. Уже в ветхозаветной культуре камень становится залогом памяти значимых для иудеев событий. «Книга Иисуса Навина» передает нам несколько функций «каменной» памяти: реминисценция события обретения земли обетованной (Навин 4:4; 4:19), мнемоническо-законодательная (Навин 24:25). В «Бытии» строительно-мемориальная функция камня отчетливо воплощена в строительной семантике образа будущего храма – дома Божьего (Вефиль = Бет-Иль), явившегося в образе камня Иакову (Быт 28:10–18).

Кроме того, полифоничен образ камня в словесной культуре. Так, Гесиод, древнегреческий поэт VII в. до н.э., по его заверению, проходит ритуальное посвящение в поэты музами на горе Геликон («Теогония»). Риторическое вещание ораторов и народное собрание происходит на Пниксе – каменистом холме в центре древних Афин. Солон, проводя ритуал «освобождения» земли от залогового гнета, декламирует речь, стоя на камне. Скрижали (две каменные плиты законов) получены Моисеем на горе Синай, Христос именно в Нагорной проповеди провозглашает заповеди Нового Завета. Примеры о

¹ Здесь же заметим, что данный мотив уже в римской литературе станет настолько популярным, что в эпиграммах Марциала он фигурирует около десятка раз.

культурной значимости образа камня можно множить далее. Однако и здесь видно в общих чертах проявление мифопоэтического образа камня в культуре как емкого символа, имеющего отношение «к традиционным мифологическим схемам, моделям, сюжетно-образным системам и поэтике мифа и ритуала» [8, с. 51], обязанного данным мировоззренческим компонентам своим возникновением, преемство которых в ретроспективе лежит в первобытной «каменной» основе человеческого существования, а в перспективе – определяет во многом расхожие архетипические образы, составляющие мифопоэтику литературы XIX – XX веков [11].

Отметим, что масштабность темы памяти неизбежно повлекла возникновение в фокусе научных интересов современных исследователей понятия «мнемонического дискурса» в литературоведении. Обосновывая правоприменение данного понятия, современный исследователь Л.М. Нюбина акцентирует внимание именно на «памятной» архитектонике как ключевой его составляющей: «Многие жанровые разновидности мемуарной литературы: письма, дневники, автобиографии, исторические и иные мемуары, путевые заметки и многое другое – можно объединить термином “мнемонический дискурс”, так как онтологической основой мемуаристики является память» [7, с. 12].

Широкое распространение идейно-смысловых ориентиров семантики камня, взаимоувязанных через концепт памяти в культуре в свою очередь подтолкнуло автора статьи перенести понятийный эпитет на поэтическую систему, сложившуюся вокруг «каменного» архитектонического образа, в направлении которого конституируется авторская идейно-тематическая рефлексия, составляющая основание целостного жанрового единства. Отметим, что данная мнемоническая поэзия как системное жанровое образование зиждется на фундаменте однородных жанровых типологий, скрепляемых внутри модальными отношениями к «каменной» памяти. Между собой же жанровые типологии различаются расстоянием от гравитационного поля, созданного архаикой памяти, а значит, чем дальше от «каменного» ядра памяти жанр, тем свободнее его рефлексия, где-то на задворках сохраняющая аллюзии, реминисценции своего «каменного» прошлого и, наоборот. Так, например, мемориальные жанры – типологическая группа жанров, обусловленная тематической рефлексией мемориала – знаковым местом и хронотопом памяти, в своем составе имеет стихотворный «памятник», художественная традиция которого прослеживается от Горация («Eregi monumentum...») до М. Ахмедова («Мой памятник останется в горах...» (2021)). Будь стихотворный памятник в любой модальности – иронической ли (И. Бродский «Я памятник воздвиг себе иной...» (1962)), или во всякой форме представленный – вставная конструкция мотива в виде пуантного катрена (А. Ахматова «Ржавеет золото и истлевает сталь...» (1945)), он непременно содержит мемориальный образ камня (памятник) или реминисценцию о нем. В стихотворном

«памятнике» мы застаем память, оформленную в метафорическом образе камня – в его переносном значении с позиции рефлексивного отстранения от него, что нельзя сказать об экфрастической литературе и литературе надписей.

Экфрастическая лирика (сборник эпиграмм «Сильвы» П.П. Стация, поэма «Медный всадник» А.С. Пушкина и т.д.), стихотворные надписи, эпитафии – также связаны с мифопоэтическим образом камня, его скульптурно-архитектурным референтом и деривациями, лежащими в основании архитектоники данных произведений. Так, Е.А. Боратынский в альбомной надписи «В альбом» (1829) сравнивает альбом с кладбищем, иронически подчеркивая типичную для объектов компаратива функцию фиксации памяти: «Альбом походит на кладбище: / Для всех открытое жилище. / Он также множеством имен / Самолюбиво испещрен» [1, с. 241]. Итак, стихия памяти проникает в произведения вместе с образом камня и обусловлена прямым влиянием его естественно-материальных свойств, спором или презрительным к нему отношением. Кроме того, лирическая рефлексия в представленных жанрах выражена непосредственно переживанием, в котором слиты и референт памяти, и эмоция памяти, и субъект лирического высказывания, что нельзя сказать о других жанрах мнемонической поэзии.

Не так явна, однако, заметна пульсация «каменных» эманаций памяти и в некоторых поминальных жанрах – литературных реквиемах. В поэме «Реквием» (1935–1961) А. Ахматовой «каменность» в различных коннотациях сопряжена с памятью («каменное слово» убивает память, заставляет окаменеть душу – в VII части «Приговор»; поминальный лейтмотив в «Эпиллоге» влечет за собой реминисценцию мотива стихотворного «памятника»). В четвертой главе «Реквиема» (1962) Р. Рождественского, посвященного памяти погибших в Великой Отечественной войне солдат, обращение к «черному» камню обретает форму фольклорного причитания в контексте погребального хронотопа, воспроизводящего скорбно-элегическую медитацию: *Разве ты мечтал когда-то / стать надгробьем / для могилы / Неизвестного солдата?* [13].

В элегии, жанре, генетически связанном с заплачкой и воспроизводящем мнемоническую медитацию в контексте дихотомии «жизнь – смерть», в типологических вариантах сохраняется хронотоп кладбища, надгробного камня. В русской литературе в конце XVIII – начале XIX века появляется целая череда исторических элегий, реставрирующих в воспоминании «культ каменных руин», – «Развалины» (1797) Г.Р. Державина, «На развалинах замка в Швеции» (1814) К.Н. Батюшкова и другие произведения.

Даже в таких жанрах, казалось бы, с ослабленной мнемонической рефлексией, как стихотворения «Памяти...» и «На смерть...» присутствует, что симптоматически в контексте мнемонического дискурса, отчетливо выраженный мифопоэтический образ камня, источающий семантику скорбного

воспоминания о роковом событии. Так, у И. Бродского в «Памяти Т.Б.» есть следующие строки: *...данные строки, почти рыдая, / соединяю, уже превысил / разность выбитых в камне чисел...* [2, с. 142], в стихотворении же «На смерть друга» слово *камень* упоминается три раза, создавая аллюзию к заклинанию: *...из-под камня тебя раздобыть...; ... и с камня сотрут...; ... и, камня помимо...* [2, с. 223]. В обоих случаях из контекста легко восстанавливается семантика тризны и памяти. В «Ici-haut» (Памяти Максимиала Волошина) М. Цветаевой могила Волошина представлена образом горы.

Выводы. Таким образом, мифопоэтический образ камня, имеющий глубокие культурно-исторические корни, семантика памяти которого отложилась в «жанровой архаике» (М. Бахтин), обусловил посредством «памяти жанра» (М. Бахтин) существование в литературе феномена мнемонической поэзии в ее системном жанровом единстве, являющейся в свою очередь частью мнемонического дискурса. Становящийся своего рода связующим звеном между генетическими прообразами многих культурных форм – мифом и ритуалом, мнемоническим дискурсом и мнемонической поэзией как окончательной реализацией «каменной идеи» мифопоэтический образ камня осуществляет структурно-семантическое единство важнейшей литературной связки, а именно: художественный образ – жанр – произведение.

Библиографический список

1. Боратынский, Е.А. Стихотворения / Е.А. Баратынский. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1977. С. 241
2. Бродский, И. Малое собрание сочинений / И. Бродский. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 880 с.
3. Иванов, Вяч. Вс. Рождающая гора и рождение от камня / Вяч. Вс. Иванов // Живой камень: от природы к культуре. Сборник статей. М.: Институт мировой культуры МГУ, 2015. С. 25 – 40.
4. Комарда, Т.Г. Архитектурные мифотопы в литературной поэтике конца XVIII – начала XIX в. / Т.Г. Комарда // Вестник Московского университета. 2001. № 4. С. 94–100.
5. Лаевская, Э.Л. Мир мегалитов и мир керамики. Две художественные традиции в искусстве доантичной Европы / Э.Л. Лаевская. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 1997. 264 с.
6. Москвина, Р.Я., Мокроносов, Г.В. Человек как объект философии и литературы / Р.Я. Москвина, Г.В. Мокроносов. Иркутск: Из-во Иркутск. ун-та, 1987. 202 с.
7. Нюбина, Л.М. Память, воспоминания и текст / Л.М. Нюбина // Известия Смоленского государственного университета. 2008. № 4. С. 12–28.
8. Осипова, Н.О. Мифопоэтика как сфера поэтики и метод исследования / Н.О. Осипова. – Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7. Литературоведение: РЖ. 2000. № 3. С. 51 – 52.

9. Перлов, Б.И. Шумеро-Вавилонская школа и письменная традиция в Месопотамии III – II тысячелетия до Р.Х. / Б.И. Перлов // Введение в храм. Сборник статей / Под ред. Л.И. Акимовой. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 50–57.

10. Плотников, И.В. Концепты «память» и «язык» в поэтическом цикле И. Бродского «Часть речи» / И.В. Плотников // Филологический класс. 2018. № 1(51). С. 43–47.

11. Полонский, В.В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX века / В.В. Полонский. М.: Наука, 2008. 285 с.

12. Поэзия и проза Древнего Востока // Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 1. / Под. ред. И. Брагинского. М.: Худож. лит., 1973. 736 с.

13. Рождественский Р. Стихи [Электронный ресурс]. – Режим ввода: <https://sites.google.com/site/robertrozdestvenskij/tvorcestvo/stihi> – Дата доступа: 10.02.2022.

14. Симоненко, М.А. Архитектурная метафора в языке и речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.А. Симоненко. Курск, 2009. 23 с.

15. Чугунова-Полсон, Е.Е. Концепты Моря и Океана как ключевые символы в творчестве Александра Александровича Блока и Алджернона Чарльза Суинберна / Е.Е. Чугунова-Полсон // Новый филологический вестник. 2018. № 4(47). С. 228–238.

16. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде. М.: Издательство МГУ, 1994. 144 с.

17. Якобсон, Р.О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина / Р.О. Якобсон // Якобсон Р.О. Работы по поэтике: Переводы. М.: Прогресс, 1987. 464 с.

УДК 811.161.1

ОРФОЭПИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПЕТРА I

И.А. Измestьева

г. Тольятти, Российская Федерация

В статье анализируется орфоэпическое своеобразие царя Петра I на материале «Писем и бумаг Петра Великого». С опорой на фонетическое письмо Петра I определяются в произношении царя черты московского говора и элементы церковнославянского произношения. Произносительные особенности московского говора характеризуются аканьем, еканьем, [ʁ] фрикативным, неустоявшимся качеством долгих шипящих и др. В речи Петра I взаимодействуют южные и северные диалектные черты. В частности, нормативное употребление *ѣ* и *е*, противопоставленность согласных по напряженности-ненапряженности. В статье дается ответ на ряд вопросов, поставленных историками русского языка.

Ключевые слова: орфоэпические особенности; переписка Петра I; функционирование *ѣ*; согласные неполного смягчения; диалектные черты; церковнославянское произношение.